

УДК 821.16, 811.163.1

Филологические науки

Статья посвящена типологическому и лингвистическому анализу «сказов Андрея» - комментариям Андрея Курбского к отдельным фрагментам его перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина. Разрабатывается достаточно подробная классификация «сказов», учитывающая разные основания систематизации. С лингвистической точки зрения комментарии Курбского рассматриваются в отношении языковых особенностей как переводных произведений, созданных под его руководством, так и собственного творчества князя. Делаются выводы о содержательном наполнении и стилистическом оформлении комментариев.

Николаева Наталья Геннадьевна д.филол.н., зав. кафедрой латинского языка КГМУ, зав. кафедрой филологии Казанской духовной семинарии;

*Кузьмин Сергей Игоревич проректор Казанской духовной семинарии, соискатель КФУ, КНИТУ
vlad_nikulín@list.ru*

СКАЗЫ КНЯЗЯ АНДРЕЯ: ТИПОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹.

«Сказами Андрея» назвал князь Андрей Михайлович Курбский свои комментарии к переводу «Богословия» прп. Иоанна Дамаскина, которым он с группой соратников (прежде всего, князем Михаилом Оболенским) занимался в годы эмиграции (1563-1583). Осознавая всю важность своей задачи – донести до читателей основы православной веры в условиях католической экспансии в

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 12-34-01322 «Богословие Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции (XVI-XVIII вв.)».

западно-русских землях, Курбский сопровождает этот перевод разного рода пояснениями, от глоссирования отдельных слов до развернутых полемических обращений против ересей. Развернутые размышления князя на затронутую в тексте тему варьируются по своему объему, так что строгих границ между ними и краткими пояснениями к тексту нет; к тому же в рукописях не все, даже подробные, комментарии носят подзаголовок «сказы». В связи с этим мы переносим это название – на основании типологического и функционального единства – на все замечания, вынесенные в рукописи на поля и не являющиеся глоссами.

Изучение сказов как в содержательном, так и в языковом аспекте представляется актуальным в связи с важностью изучения преднационального периода развития русского литературного языка в целом и особенностей идиостиля одного из видных писателей XVI века, князя А. М. Курбского, в частности.

«Многие из этих «сказов» весьма любопытны, - сообщает А. С. Архангельский. – они показывают не только широкое и многостороннее образование самого Курбского, но <...> и его необыкновенную предупредительность к своим будущим читателям» [1, с. 373]. По мнению А. Попова, описавшего рукопись собрания Хлудова с переводом Курбского, комментарии принадлежат самому князю, даже если не всегда они написаны его рукой [9, с. 99-100, 113]. Некоторое уточнение вносит современная исследовательница перевода Курбского Ю. Бестерс-Дильгер: по ее наблюдениям, некоторые сказы являются переводом или близким пересказом латинских комментариев, сопровождающих двуязычные (греко-латинские) базельские издания «Богословия» Иоанна Дамаскина, которые служили текстом-основой для переложения князя [15, с. LXXII]. Однако сравнивая латинские комментарии и сказы князя, следует признать, что князь свободно обращался с латинскими текстами, заимствуя прежде всего их идею, но облакая ее при этом вы выражения, свойственные его индивидуальному стилю. Здесь обнаруживается несомненная стилистическая общность сказов с предисловием Андрея Курбского к переводу

«Богословия». Языковые и стилистические особенности, которые подробнее будут рассмотрены ниже, создают определенный «портрет» языковой личности и являются аргументом в пользу единого авторства пролога и комментариев к тексту.

Ю. Бестерс-Дильгер предлагает также свою классификацию сказов (Randanmerkungen, ‘замечаний на полях’, как она их называет, отделяя от глосс, Randglossen): а) замечания грамматического характера (чаще всего для объяснения, к чему относится анафорическое местоимение в тексте), б) замечания, разъясняющие заимствования, с) замечания, неправильно интерпретирующие текст, или замечания к неправильному переводу, d) замечания, предостерегающие против различных ересей, язычества и т.п., е) разъяснения к тексту, охватывающие различные темы – от естественнонаучных до богословских [15, с. LXI-LXII].

О недостатке этой классификации мы уже писали в статье [7], главное – это отсутствие общего ее основания. Составить типологию сказов вообще достаточно трудно: характер одного сказа может меняться в его текстовых пределах – начинаться он может с филологического толкования слова, а затем переходить к разъяснению сущности явления, за словом стоящего. Кроме того, следует учитывать, что гуманитарные науки того времени представляли некий синкретичный комплекс, когда не всегда можно определить четкую границу между богословием и лингвистикой, философией и историей и т.п. В связи с этим мы предложили следующую типологию сказов по двум основаниям [7]:

I. по преобладанию одного из направлений целеполагания:

А. сказы с преобладающим комментирующим элементом

Б. сказы с преобладающим герменевтическим элементом.

II. по преобладающей тематике:

1. богословские

2. лингвистические

3. философские

4. исторические

5. источниковедческие

б.естественнонаучные.

В типологии такого вида не учтен фактор правильности/ошибочности комментария. Тематика сказов дана в некоем укрупненном виде, сказы не раздроблены на несколько подвидов в соответствии со своей содержательной направленностью (например, лингвистические не делятся на этимологические, грамматические и т.п.). С другой стороны, эта классификация дает возможность разносторонней и наиболее полной характеристики сказа: например, богословский комментарий, основанный на анализе языковых явлений, можно кратко обозначить как сказ типа А.1.2 и т.п.

Приведем несколько примеров.

Тип А.1 (богословско-комментирующий):

р а н ы о(т) д і а в о л а т е р п я щ а д р е(в)н я(г) а д а м а г л ѣ т ь
с и р е(ч) р а(з)л и ч н ы е с т р(с)т и н и н е д ъ г и н и б ѣ д ы н а т ѣ л о
ч л ч(с)к о е н а в е(д)ш і е, а п р е(ж)д е п р е с т ъ п л е н і а н е т л ѣ н 'н ъ
б ы в ш ъ н б е(з)с м ѣ р т н ъ (л. 102²).

Тип А.2 (лингвистически-комментирующий):

р е(к)ш е в ѣ д а е(м) н и к а к о ж е (л. 14).

Тип А.3.4 (философско-исторический комментарий):

в о п р о ш е(н) о(т) н ѣ к о т о р ы х ' п л а т о н з ф и л о с о ф з, т а к о
б ы с ъ щ е с т в о ч л ч(с)к о е в ы т о(л)к о в а л з; о(т)в е щ а л з, н ж е
с е т ь ч ѣ к з з в ѣ р з р а з ъ(м)н ы(н) с м ѣ р т н ы н, с е г о р а(дн) з(д)е
п р и п о м н и а е(т) с і е д а м а с к и(н), н ж е с о п р о т и в з
з л о м ъ д р е н 'н ы(х) ф и л о с о ф о(в) к о т о р ы е о к л е в е т љ ю т ь
с е т е с т в з о љ с т а в з, ф и л о с о ф ь с к и(м) о б ы ч а е(м) в е щ а е т ь,
о б л и ч а ю щ е н х з (л. 98об.).

² Нумерация листов по рукописи Румянцевского собрания (РГБ, Рум. № 193), изданной Бестерс-Дильгер [15].

Тип А.4 (исторически-комментирующий):

яко новѣю книгу, нбо обыч(н) бы(л) дре(в)нии жидо(м)
книги на свн(т)ки писати (л. 133об.).

Тип А.6 (естественнонаучный комментарий):

всакоє (всако) бо тѣло три образы величества
имѣеть, шире(ч), до(л)готѣ, широтѣ, то(л)стотѣ (л. 28об.).

Тип Б.1 (богословско-герменевтический):

зде дамаски(н) еретико(м) едннво(л)нико(м) оуста
заграждаеть, ширечь, аще бы была ипостасна бола
ѿнов'на, нна была о(т)ѣла, нна бы была ѿнов'ска, яко и
ипостась в тро(н)це, что е(ст) неѣдобно, иже бы
члч(с)каа бола кроме х(с)ва состава была, паче же х(с)ано
е(ст)ь (л. 87об.).

Тип Б.2 (лингвистически-герменевтический, этимологический):

ска(з): По кгр(ц)кѣ гомонимѣ(м), а по рн(м)скн(и), ек
'внв'окѣ(м), а по слов(н)скн(и) ни единознамнѣющее, а се
диалектн(ц)кн(и) гл(т) дама(с)кн(н) (л. 12).

Тип Б.6 (естественнонаучный-поясняющий):

кометы звѣзды хвостатые, або тѣ(м) подобные (л.
36).

Уже по некоторым из этих сказов видно, что однозначно присвоить им
какую-то тематическую область трудно, как трудно иногда отграничить
комментирующий и поясняющий их характер. В большинстве своем сказы
имеют смешанную сущность. Например, следующий сказ соединяет в себе

комментарий и пояснение, начинаясь с естественнонаучного анализа явления и восходя к богословскому комментарию вопроса (тип А.Б.6.1.):

Глѣть, аще е(д)м ' крѹгов ' еречь, едм ' пѹте(н) по
них 'же планеты бл҃гочин 'не по бж҃ію оҹт҃роенію,
ше(с)т)вѹю(т). которые крѹги, а(л)бо пѹти, оҹчителн
цр҃ко(в)ныє, в 'си (всѣ) во еднно(м) нѣси, рек 'ше, в '
тверди бы(тн) рл(з)ѹмѣю(т), ника́ко пра(в)да оҹмáлнчсѧ, н
ице по бж(с)твє(н)номѹ пáв 'лѹ, трн нѣсѧ нмѣтн бѹде(м),
ерє(ч), пе(р)вое нѣо нє(с)ное, пото(м) твє(р)дѣ, послѣдн же
воз(д)ѹх, бо н то писáніѣ нѣо(м) нарнчє(т) (нарєчєтѹ), м(к)
з(д)ѣ дамаскн(н): свндѣтє(л)с)т)вѹєть (л. 32об.).

Другой пример представляет переплетение богословия и лингвистики (тип Б.1.2):

по рн(м)скн(і), рєлѧтнєѹ(м), або ад алнквндз, а по
словєнзскі(і) о(т)носѧщєє, ꙗко о(т)цѣ сѧ рл(дн) глѣтсѧ, н
сѧ о(т)цѧ рлдн, нбо нког(д)ѧ же бы нарєчєн' былѹ о(т)цѣ',
аще бы сѧ не нмѣлѹ, тако(ж) нкогда бы(л) бы нарєчє(н)
сѧ, аще бы о(т)цѧ не нмѣлѹ (л. 107).

В следующем примере в богословско-естественнонаучный анализ вплетается лингвистическое пояснение (тип А.Б.1.2.6):

ерє(ч), ег(д)ѧ рѹкѹ ко ер(д)цѹ приложншь, токає(т),
ерє(ч), бнєтсѧ, а(л)бо жилы бнѹ(т)сѧ, н аще бы н(м)
зѧповѣдывѧ(л) не знѧють, а нн слышѧ(т), бѹ сѧ чѧстѣ
жнвотнѧѹ, рє(к)ше, сѧдо(в)нѧѧ, далєко о(т) словє(с)ныє

части дѣши: а сре(д)нѣмъ ча(ст)и дѣши сре(ч), е(ж) дѣшебнѣмъ
нарнцѣ(т)ѣмъ, сѣа покарѣ(т)ѣмъ оумно(н)и и словѣ(с)но(н)
части дѣши, поне(ж) ближѣ(н)ша к' ней (л. 46). Понятие
«токаемая» объясняется лингвистически – путем подбора синонимичных
единиц (токает, т.е. бьется), затем с биологической точки зрения («жилы
бьются», т.е. биение это происходит в сосудах и от нашего волеизъявления не
зависит), а затем восходит к богословскому объяснению этого явления,
определяя место данной части души во внутренней ее иерархии.

Богословие, таким образом, выступает в комментариях князя незыблемой
основой всех наук: явления физического мира выступают как некая метафора
принципов общего замысла Творца и призваны анагогически указывать нам на
Первопричину.

Завершая тему типологического разнообразия сказов, заметим еще, что в
редких случаях сказы содержат ошибочное толкование, если смысл текста
Дамаскина ускользает от переводчика. Так, известную в патристике мысль, что
зло есть недостаток добра, Курбский комментирует следующим образом:
сре(ч) чѣ(ж)ше и недо(ст)о(н)не(т) зло бѣгѣти, а сѣщѣства
небытїе (л. 21), что очевидно искажает мысль автора.

Несмотря на стремление князя к чистоте изложения православной
догматики, в его комментариях можно встретить и влияние апокрифов:
стрѣжаше сатана дѣць, и бошѣемъ нса(н)на прореченна,
того рл(дн) бѣговоли(т) бѣз дати юснфѣ (по Хлуд.: во
обрѣчѣнїе двцѣ), да оутан(т)ѣмъ та(н)на божиа о(т) дїавола,
да не лишн(т)ѣмъ ро(д) члч(с)кї(н) избавленїа (л. 133 об.).

Наконец, кроме чистого комментирующего, аргументирующего,
герменевтического элементов, некоторые сказы отличает яркий эмотивный
компонент. Языковые средства, создающие эмоциональное напряжение сказа,

мы рассмотрим ниже – здесь приведем лишь короткий пример, где эмоции обусловлены самим содержанием сказа. Комментируя слова Давида о непостижимости божественного ведения (Пс. 138, 6), Курбский – в тональности псалма – замечает: *ни въ еди́но(й) бо тѣ́лѣ инце оуднвлєнз є(ст) рл(з)ѡ(м) бо жїй, ꙗко в члѣцє* (л. 43).

Нужно помнить, что задача Курбского была не только создать новый перевод основополагающего труда православной догматики, но и сделать этот перевод на правильном, чистом церковнославянском языке (см. [4]). Можно заметить, что язык сказов – пусть в небольшой степени – различается в зависимости от содержательной его направленности: если сказ богословской тематики, то церковнославянский в нем будет правильнее и чище, чем в иных. Ср., например:

То оубо, инречь, тѣло ємє(р)тно было, по єстєствє(н)номѡ чинѡ, а по єоеднєнїю єлѡва бывше ожнвлѡющєє, ꙗко мѣтвы(х) ко жнвотѡ възрѡцѡлз прє(до) очнма вѣѣ(х), н єл(м) єєє вокр(є)єнлз. а дѡхобнє ꙗко нл(є) ожнвлѡє(т), инрє(ч), ємѣртїю н плѡ(тї)ю євоею, ємѣртїю, ꙗко адз рл(з)рѡшнлз, н о(т) вєков' оумє(р)шн(х) вокѣрєнлз, н плѣ(н) ко о(т)цѡ възвєлз: а тѣло(м) ꙗко нл(є) ожнвлѡє(т), ꙗко єл(м), рєклз, ꙗщє кто нл(є)ть тѣло мое н пїє(т) кро(в) мою ємѣртн нє оузрнт' во вѣкн, н прочєє (л. 101) – комментарий типа А.Б.1, написанный на стилистически чистом церковнославянском (учитывая его естественные исторические изменения к XVI веку), содержащий некоторые старые формы (двойственное число – *очнма*), цитату из Писания. Весьма характерно здесь употребление слова *плѣ(н)* – образования нулевой суффиксации. Эти слова дольше других сохраняли синкретичный характер

семантики – так даже и здесь п л ѣ (н) – это и состояние пребывающих в аду, и вся их совокупность. Следует сказать, что образования нулевой суффиксации вообще были характерны для первого перевода «Богословия», выполненного в X веке Иоанном экзархом Болгарским, и оставались приметой текста этого памятника даже в других переводах (см. об этом: [6]).

Нейтральным характером и стилистической однородностью отличаются естественнонаучные комментарии:

с л а (д) к л а в о д а н (з) м о б р а в ы т е г л е м а я о (т) с љ н ц а ,
о б р а щ а е (т) с я в о (м) г л љ , к о т о р а я п р и (н) д е (т) в о с р е (д) н ю ю
ч а с (т) в о (з) д љ х а , т а м о о (т) с т љ д е н н л е р а з г љ щ а е (т) с я , н
р а (з) т о п л а е (т) с я о (т) с љ н ц а , а (л) в о о (т) д р љ г н (х) з в е з (д) з ,
н б ы в а е т ь д о (ж) ч ь (л. 39). Здесь обращает на себя внимание
несвойственное традиционному церковнославянскому языку местоимение
к о т о р а я и заимствование л е р а .

Если же мы рассмотрим сказы смешанной типологии (например, на л. 46, о биении пульса – см. выше), то в них мы найдем и слова разговорного стиля (т о к л а е (т)), и полонизмы (н е з н а ю т ь , а н н с л ы ш а (т)), и иные отклонения от чистого церковнославянского. Как мы уже показали, типологические границы многих сказов размыты, характеристики условны – и так же размывается их язык, так же условна чистота их церковнославянского. Прежде всего ее нарушают неологизмы и полонизмы.

Признание влияния на произведения князя Андрея, созданных в эмиграции, полилингвальной среды, в которой он оказался, стало уже общим местом трудов, посвященных его литературному наследию (например: [5], [12], [13], [3]). Как справедливо замечает В. В. Калугин, «за долгие годы изгнания Курбского они (польско-латинские заимствования и западнорусизмы) стали частью его мышления и стиля» [3, с. 353]. Исследователь литературной и текстологической традиции

славянского «Богословия» Х. Трендафилов замечает в своей диссертации, что в сказах Курбского также проскальзывает так называемая «проста мова» с явным отпечатком белорусского и польского языков [14, с. 325]. А. Х. Востоков в описании рукописи Румянцевского собрания вообще называет язык текста «польскорусским», а почерк определяет как «белорусский» [2, с. 240-241]. Новые заимствования из латинского и греческого (через латинский), полонизмы и белорусизмы соседствуют в тексте комментариев – так же, как и в основном тексте перевода. С этой точки зрения, памятник представляет собой единое языковое целое.

Что касается латинских и греческих слов – это в основном термины, эквивалентов которым Курбский не находит в церковнославянском языке (по данным «Материалов к словарю...» И. И. Срезневского [11] и Словаря русского языка XI-XVII вв. [10] их употребления либо не фиксируются, либо фиксируются не ранее создания перевода «Богословия»). Например: гомонимъ(м), ек'внв'окъ(м), диалектн(ц)кн(і), еклиптика, епикъриѣне, кометы, вееч'атнѣа, лѣнъ, орано(ѣ), тропъ(ѣ), фнкгъра, пернфразн(ѣ), апокаллипсн, догматом(м), фла(н)тазн, аллгорн, перла(р)хъмъ, релатнѣъ(м), ад алнквндъ, матернѣ(л)ное, цен'тръ(м) (приводятся в той форме, в которой они встретились в тексте). Наряду с явными варваризмами (орано(ѣ), ек'внв'окъ(м), ад алнквндъ, лѣнъ), здесь встречаются слова, которые позже войдут в терминологические системы различных научных дисциплин (гомонимъ(м), еклиптика, кометы, вееч'атнѣа, тропъ(ѣ), фнкгъра, пернфразн(ѣ)) или станут общеупотребительным языковым достоянием (кометы, фнкгъра, фла(н)тазн, матернѣ(л)ное, цен'тръ(м)). В «Лексиконе трехъязычном» Федора Поликарпова [8], созданном более века спустя после

эпохи Курбского и подводящем своего рода итоги столетних инновационных тенденций в сфере лексики русского языка обнаруживаются только слова *кометы*, *фантазія*, *кентро* (ср. *цен'тр' (м)*), *матеріа* (но нет слова *матеріалныі*).

Тем не менее, позже многие слова войдут в фонд русского языка. Курбский, очевидно, интуитивно чувствовал лакуны в терминологической системе родного языка и пытался заполнить их, используя греко-латинский языковой фонд, который станет базой терминологических систем большинства европейских языков. Нельзя не согласиться с Д. Фрейданком, который полагал, что «Курбский переживает переход к латинской традиции не как кризис, а как дополнение и упрочнение той традиции, из которой он сам происходит. <...> У Курбского мы не найдем ничего от духа Реформации ни в религиозном, ни в государственно-политическом смысле, и совершенно ничего от язычества гуманизма. Его цель – сделать знание латинской традиции полезной для православного славянства. В этом он верный последователь Максима Грека, учеником которого он себя часто называет» [16, с. 815].

Что касается польского влияния, то оно выражается в заимствовании слов с сохранением польских фонетических особенностей (*тытылы* – ср. польск. *tytuły*), заимствовании форм (степени сравнения прилагательных: *лєпєн*), *намнєн*), заимствовании грамматических конструкций (*млєш*) *рлй* *рл(з)мєтн*; *нє знлють*, *л нї слышл(т)*).

Особенно часто воздействие польского языка проявляет себя в глаголах, имеющих эквиваленты или паронимы в церковнославянском (*устѣпѣть* – ср. польск. *ustępować* ‘уступить’, *зготовл(л)* – ср. польск. *zgotować* ‘приготовить’, *выч(л)ковл(л)* – ср. польск. *wyłożyć* ‘объяснить’). При паронимии возникает очевидное смешение значений и форм славяно-русского и польского: *Снрє(ч)*, *подоблосл* *бїѡ(т)цѡ* *нже бы злнл(с)*

при(л) ценѹ о(т)кѹплєнїа (л. 112) – подобло҃а – это комментарий к глаголу подобло в основном тексте. В латинском здесь употреблен глагол oportuit, т.е. ‘было необходимо’ (Богу-Отцу принять жертву искупления). Но в комментарии Курбский употребляет форму подобло҃а - в польском же *rodobać się* означает ‘нравится’. Значение это здесь явно неуместно, но под влиянием ошибки Курбского появляется глагол «нравится» (*es gefiel Gott Vater...*) и в немецком издании данного памятника, в переводе сказа [15, с. 446]. Смещение славяно-русского и польского наблюдается в формах типа *зшєлз* (польский префикс, но славяно-русское морфонологическое обличие причастия – в польском было бы *zszedł; ср. форму *понєлз* в другом сказе).

К «простой мове» можно отнести слова, не обнаруживающиеся в Словаре польского языка XVI века [17], но явно имеющие западно-русский характер: *глѹплють*, *прнчрѹднѹ* и т.п.

В стилистическом отношении для сказов характерна риторическая отточенность, использование риторических приемов, присущих индивидуальному стилю А. Курбского. В. В. Калугин писал о стиле князя: «Курбский – один из самых эмоциональных авторов XVI в. Его стиль полон страсти и аффекта. <...> Писатель стремился повлиять не только на разум, но и на чувства читателей, не только убедить их неопровержимыми доказательствами, но и покорить мощной отточенной речью» [3, с. 156]. Конечно же, переводные богословские произведения в отношении аффектированности стиля будут выглядеть в значительной мере сдержанней полемических произведений князя, но и в переводах он использует излюбленные риторические приемы: использование двух-/трехчленных формульных сочетаний, однокорневые повторы, перечислительные ряды, синтаксический параллелизм, гомеотелевты и – как следствие – ритмизация текста.

Риторические фигуры редко употребляются изолированно. Вот некоторые примеры:

и позна(в)ши и вырозѹмѣвши, и ра(з)сѹдн(в)ши, и постановивши ко оуправленію (перечислительный ряд причастий с единоокончанием, л. 50об.);

а дѹховне яко на(с) ожнвлает(т), иере(ч), смѣртію и плотию своею, смѣртію, яко азъ ра(з)рѹшилъ, и о(т) вѣков' оумер(р)ши(х) вокрѣнлъ, и плѣ(н) ко о(т)цѹ возвелъ (синтаксический параллелизм, л. 101);

иере(ч) ра(з)личныѹ стр(е)ти и недѹги и бѣды на тѣло члч(с)кое навѣ(д)шіе, а пре(ж)де престѹплѣнїа нетлѣн'нѹ бывшѹ и бѣ(з)смѣртнѹ (тройной и двойное формульные сочетания, л. 102)

присвоенїе естестве(н)но (н) сѹществе(н)ное хѹ глѣтѣмъ плоти ради и дѣи нашего сѹщества прїатїа, не по фла(н)тази, а ни по аллгорїи, рекше, не по мечтанїю, а ни по о(т)мѣн'номѹ ра(з)ѹмѣнїю (двойное повторение парных сочетаний – сначала заимствованных слов, затем – их разъяснения, л. 110об);

и зше(л) на землю, и яко бѣды и навѣты и ра(з)личныѹ нарѹганїа и смѣрть поно(с)нѹ ото іѹден по(д)ѣ(л), и а(ж) до те(х) а(д)скїе пропасти те(м)ниц' зшелъ, на (в)зысканїе и на н(з)бавленїе погнѣшаго рода чѣлѣвѣческаго (перечислительный ряд, расширенный эпитетами; двойное сочетание, л.113об);

яко петръ и паве(л) по нмман(м), считаю(т)сѧ а не по естествоу, по составо(м) а не по еществу (параллельно выстроенный фрагмент, единоокончания не только ритмизируют, но и создают эффект рифмы, л. 121);

семъ по(до)бно и ѿна бѣла нарицае(м), яко бѣла по бж(с)тву о(т) вышнеествен'ны(х), и яко чѣла по члч(с)тву о(т) ннжл(н)шн(х) (корневой повтор, параллелизм, л. 142об).

Следующий фрагмент интересен тем, что он является частью того комментария, который имеет латинскую основу. Но приведенные ниже слова в латинском тексте не обнаруживаются – это творчество самого князя. Здесь мы видим характерную для его стиля эмоциональность (суперлативы с пре- в сочетании с пейоративной лексикой):

а не разумѣюще сего сѧе владыть нже о(н) прескверны(н) вра(г) о(т) прен(з)лишны гор(д)ости сѧе хъ рекыз, ма(ж) во(з)лагае(т) собѣ всег(д)а чуждее, и оу(с)вомае(т) чего не имѣеть яко прегор(д)ын дѣмо(н), бго(м) мнѧсѧ и подобе(н) емъ быти любопритѣ(л. 147). Далее князь пишет еще один комментарий, уже явно от себя, употребляя излюбленный прием гомеотелевтов:

яко с(л)м) хъ рекыз, сѧ(н) не собираеть, со мною р(а)с)точаеть, а сего рад(н) нестѣ правителе(м) и господо(м) дьаво(л) видны(х) вещь(н), но сокрѣшн(т)е(л) и глн(т)е(л), и естествоз превратн(т)е(л) (л. 147).

Эмоциональный накал тексту комментарий придает лексика сниженного стилистического характера (снц(е)в(ю) хъ(л) о(т)рыгл(л) нечестивы(н)

(л. 108), бѣни ориге(н)скіе (л. 118) и т.п.). Особенно ярко она высвечивается в своего рода стилистических антитезах, в паре с лексикой высокой, ср.:

снре(ч), нбо не н(з)чез' от(т)ню(д) обра(з) адамль в'
 чѣвце(х), но запыле(н) н осквернень с(т)растьми
 грехо(в)ны(ми), яко драгоцен'ныи бисеръ в калѣ
погрѣже(н), а(л)бо златы(н) на нем(м)же црѣски(н) образ'
выображен' бѣ в(р)же(н) в тннѣ, н нево(з)мо(г)
 нзмовѣ(н) быти ннако н очнще(н) (90об.).

Итак, изучение «сказов Андрея» приводит нас к следующим выводам. Большинство «сказов» написано самим князем – даже те из них, которые имеют латинский первоисточник, являются лишь пересказом мыслей западного комментатора, облеченным в стилистическую форму, свойственную произведениям князя в целом. Языковые особенности сказов являют общие черты языка Курбского периода эмиграции (появление греко-латинских неологизмов, в основном в терминологической сфере; проникновение в текст полонизмов и «простой мовы» – и наряду с этим тяготение к правильному церковнославянскому). Стиль сказов в целом гораздо сдержаннее стиля политических произведений Курбского, что, обусловлено жанрово-стилистическим разрядом самого памятника, хотя до конца «выровнять» свой стиль, избавить его от присущей ему обыкновенно аффектированности князь не может. Содержательное наполнение сказов свидетельствует о высокой образованности А. М. Курбского, его начитанности в разных научных сферах, выдает знакомство князя с работами античных философов и, вместе с тем, характеризует его как верного поборника православия.

Список литературы:

1. *Архангельский А. С.* Образование и литература в Московском государстве кон. XV–XVII вв. : из лекций по истории русской литературы. Казань, 1898. 480 с.
2. *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. 899 с.
3. *Калугин В. В.* Местные традиции в языке русской литературы XVI-XVII веков (князь Андрей Курбский и Андрей Лыков) // *Slavia orientalis*. 1994. Т. XLIII. № 3. S. 353-362.
4. *Калугин В. В.* Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века. Исследование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/oikumena/kalugin.htm>
5. *Ляпон М. В.* Об отношении языка Курбского к русской литературной норме 16 века // *Исследования по славянской филологии: Сборник, посвященный памяти акад. В.В.Виноградова*. М., 1974. С. 227-233.
6. *Николаева Н. Г.* Образования нулевой суффиксации в разновременных церковнославянских переводах «Богословия» Иоанна Дамаскина // *Русский язык: функционирование и развитие. Сб. статей к 85-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ проф. В.М. Маркова*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 157-164.
7. *Николаева Н. Г.* «Сказы Андрея»: комментарии А.Курбского к его переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина в лингвистическом аспекте // *Русская словесность как основа возрождения русской школы: сборник статей по материалам III Международной заочной научно-практической конференции: в 2 т.* Липецк: ЛГПУ, 2012. Т.1. С. 77-82.
8. *Поликарпов Ф.* Лексикон триязычный, сиречь речений славенских, еллинографических и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
9. *Попов А.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. М., 1872. 664 с.
10. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975-2006. Т. 1-27.

11. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1893–1912.
12. *Тамань В. М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 197-204.
13. *Тамань В. М.* Полонизмы в языке русских памятников XVI в. // Уч. зап. ЛГУ, сер. Филол. наук. 1960. № 267, вып. 52. С. 98-124.
14. *Трендафилов Х.* «Богословие» Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 363 л.
15. *Besters-Dilger J.* (Hrsg.). Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1583). Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. LXXX+1025S. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes; Tom. XXXV).
16. *Freydank D.* Zwischen griechischer und lateinischer tradition: A.M.Kurbskijs Rezeption der humanistischen Bildung // Zeitschrift für Slawistik. 33. 1988 (6). S. 806-815.
17. Słownik polszczyzny XVI wieku (S. Bąk, M. R. Mayenowa, F. Pełowski (eds.)). Dictionary of the 16th century Polish. Wrocław — Warszawa, 1966)
[Электронный ресурс]: <http://poliqarp.wbl.klf.uw.edu.pl/slownik-polszczyzny-xvi-wieku/query/> .